

Хорст Мёллер

Новый порядок в Европе: 1918–1920 гг.

I.

Едва ли когда-нибудь победители и побежденные оценивали заключенный мир одинаково. Только в очень редких случаях победители следовали максиме Отто фон Бисмарка, согласно которой нельзя унижать побежденного врага. Мирные договоренности, которые таили в себе зародыш будущих конфликтов, отнюдь не редкость в новейшей истории. Так, Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г., по меньшей мере частично навязанный России, ослабленной революцией, принес передышку советскому правительству, но не разрешил острые территориальные споры в смешанном польско-белорусско-украинском регионе. Немцы-победители едва ли были милосердней по отношению к России, чем страны Запада по отношению к самой кайзеровской Германии и Австро-Венгрии, когда в 1919 г. подписывали в предместьях Парижа мирные договоры.

Версальский договор долгое время оценивался исключительно критически как немецкими историками, так и общественным мнением, новые интерпретации появились лишь после Второй мировой войны. Причиной их появления стали не только интенсивные научные исследования, но и новый опыт в области международной политики и международного права. Речь шла если не о повороте, то о взвешенной рефлексии. Заключение мира расценивалось теперь как «утраченное искусство» (Ханс фон Хентиг), ведь во Второй мировой войне так никогда и не был подписан формальный мирный договор. Спустя 60 лет после окончания Корейской войны, вплоть до сегодняшнего дня, между Северной и Южной Кореей заключено только перемирие, но не мирный договор. В этом контексте приращение исторического опыта открывает новые перспективы в области заключения мирных договоров. Такая ситуация не в последнюю очередь сложилась благодаря взвешенному историческому анализу нестабильного межвоенного времени.

Все увеличивавшаяся военная мощь Германии, ставшая результатом агрессивной политики ремилитаризации, проводившейся национал-социалистической диктатурой с середины 1930-х годов, спровоцировала вопрос: насколько Германия действительно была ослаблена в 1919 г.? Учитывая те сдвиги, которые произошли в европейской системе государств спустя только пятнадцать лет после заключения Версальского договора, историки позднее оказались перед непростой дилеммой: условия договора оказались либо слишком мягкими, либо слишком жесткими. Слишком жесткими, потому что Германии были навязаны тяжелые обязательства, которые в условиях латентного послевоенного кризиса представляли собой питательную

почву для националистов и ревизионистов, тем самым став с 1930 г. надежной платформой для национал-социалистов. Слишком мягкими, поскольку Германская империя, несмотря на все тяготы, сохранила свой статус великой державы. Это также открыло новые политические возможности перед ревизионизмом в отношении Версаля.

Тем не менее, даже более взвешенная оценка мирных договоров, подписанных в предместьях Парижа, не должна игнорировать то обстоятельство, что послевоенное время, начиная с 1919 г., одновременно являлось предвоенным временем. При этом речь идет не только о душевном состоянии немцев в годы Веймарской республики, которая при всей своей вполне обоснованной фрустрации не была свободной от уверенности в собственной правоте и демонстрировала дефицит самокритичного сознания. Наряду со специфической немецкой проблематикой необходимо дать ответ на вопрос, какие общие структурные дефекты имела новая система европейских государств, порождавшая будущие кризисы с большой очевидностью или даже неизбежностью.

II.

Из предыстории следует следующий важный момент: Первая мировая война была самой губительной войной Европы со времен Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Однако в отличие от нее мировая война велась не только самым современным и потому экстремально разрушительным оружием, она стала также беспримерной пропагандистской войной между нациями, которая далеко выходила за рамки военной пропаганды прежних эпох. В конечном итоге война оставила после себя не только от 10 до 15 миллионов погибших, миллионы инвалидов, огромный материальный ущерб, но и глубоко травмированную, склонную к истерии общественность враждебно настроенных наций. Государственные деятели должны были теперь учитывать фактор общественности, они не могли больше «править бал» в стиле тайной политики. Позиция государственных деятелей не в последнюю очередь задавалась степенью разрушения их собственных стран – на европейском континенте самый большой урон был нанесен Франции, в то время как Германии не было причинено сравнимого военного ущерба. Французы пострадали гораздо сильнее, чем, например, британцы или американцы, которые вступили в войну поздно и сражались не на своей территории. Не в последнюю очередь именно по этой причине гнев на немцев и страх перед ними были сильнее всего во Франции, в то время как британцы скорее склонялись к тому, чтобы сделать мирные условия более приемлемыми и для побежденной стороны.

И в заключение: на Парижской мирной конференции, в отличие от Венского конгресса, состоявшегося веком ранее, победители не вели переговоры с побежденными напрямую. Проигравшая сторона не имела права ни в целом, ни частично обсуждать те или иные положения, а лишь письменно формулировала свои возражения. Условия мира были фактически «продиктованы» побежденным. Поэтому нет никакого случайного совпадения в том, что не только немецкие националисты, но

и либералы, социал-демократы и даже коммунисты расценивали Версальский договор как «навязанный мир» („Diktatfrieden“), каковым он фактически и являлся. Этот мир был принят Германией лишь потому, что ее военная слабость не оставляла других вариантов. Символическое унижение усиливало впечатление, согласно которому в Париже имела место конференция победителей, лишенная всякого флера переговоров.

По этим причинам, а также исходя из экономико-политических рассуждений, позволивших заблаговременно прогнозировать затяжной экономический кризис Веймарской республики, британский экономист Джон Мейнард Кейнс оценивал Версальский договор крайне негативно. Такие разные личности как Уинстон Черчилль или бывший итальянский премьер-министр Франческо Нитти уже в начале 1920-х годов считали новую войну неизбежной. Нитти, например, написал об этом в своей книге «Неумиротворенная Европа» („Das friedlose Europa“, 1922.)

На самом деле ни одно правительство и ни один народ в конечном итоге не были довольны мирными договорами, заключенными для них или помимо них в Париже, даже победители. Никто из политиков, возглавлявших переговоры, за исключением президента США Вудро Вильсона, не выступил в поддержку концепции мира, ориентированной на будущее. Что же касается предложений Вильсона, то они отчасти основывались на ложных диагнозах и иллюзиях касательно реальностей европейской политики. И хотя в ходе Парижской мирной конференции Вильсон получал всю необходимую информацию, в условиях сложившейся конъюнктуры, которую определяли цейтнот и эгоистические национальные интересы стран-победительниц, президент США не смог соответствующим образом модифицировать ту линию, которой он изначально придерживался на переговорах. Это в свою очередь усилило искушение, которое испытывал Вильсон: поддаться изоляционизму, традиционной линии американской внешней политики. Визионерская идеалистическая программа Вильсона не учитывала в должной мере всю сложность проблематики национальных меньшинств в Европе, ему не удалось отстоять свою точку зрения перед лицом недалековидного национального реализма, который исповедовали с позиции силы его партнеры по переговорам.

Здесь также бросается в глаза отличие от Венского конгресса: в 1814–1815 гг. стороны стремились к восстановлению легитимности власти в границах отдельных стран и европейской системы государств в целом – системы, где роли были разделены среди всех без исключения пяти великих держав Европы. Возможно, это было задумано с позиции реставрации или даже реакции, тем не менее данная концепция оказалась вполне практичной. В 1919–1920 гг. такой подход был невозможен хотя бы потому, что целый ряд государств – поначалу! – превратился в (парламентские) демократии, не говоря уже о том, что большевистская Советская Россия никак не укладывалась в рамки концепта реставрации. Как бы то ни было, Парижской мирной конференции оказалась чуждой следующая мораль: стабильность международного порядка может существовать только тогда, когда каждый из главных «игроков» на международной арене включен в эту систему, когда внутри стран-участниц царит политическая стабильность и никто не испытывает искушения, вывести внутренние проблемы наружу, и неважно, по какой причине – по причине узколобой политики национального престижа, агрессивности или внутренних кризисов.

III.

Долгосрочным вопросом, который были призваны решить мирные договоры, подписанные в предместьях Парижа, был национальный вопрос. Этот вопрос являлся следствием возникновения национальных движений и создания в XIX в. моноэтнических государств. Последние в свою очередь выступали против модели многонациональных государств, таких как двуединая монархия Австро-Венгрия, а также против практики смешанного проживания различных национальностей в областях, располагавшихся в первую очередь в восточных частях Центральной Европы и в Восточной Европе. Этот ключевой вопрос не только не был разрешен в Париже, напротив, он стал еще острее. Новые государства, возникшие на развалинах прежнего миропорядка, такие как Чехословакия, сами являлись многонациональными государствами, при этом в Чехословакии государствообразующая нация – чехи – даже не обладала абсолютным большинством, а немецкоговорящее меньшинство превосходило словаков, образуя вторую по численности этническую группу. Немецкоязычные меньшинства в Восточной и Центральной Европе составляли около 8 миллионов человек, причем в значительной части они проживали в тех областях, которые до 1918 г. входили либо в состав Германского рейха, либо в состав Австро-Венгрии. Одно это стало в межвоенное время источником политических кризисов и территориальных претензий, читай ревизионистских настроений. Польша была восстановлена как самостоятельное государство уже в 1918 г., но и она имела в своем составе многочисленные национальные диаспоры. Проблема национальных меньшинств затронула не только Центральную и Восточную Европу, особенно остро она стояла в конфликтных областях на периферии Европы, между Грецией и Турцией.

14 пунктов американского президента Вильсона после их обнародования 8 января 1918 г. пробудили национальные надежды и притязания, которые так и не были реализованы в 1919–1920 гг. Таким образом, и в этой области мирные договоренности не отвечали собственному посылу. Согласно Версальскому договору не признавались даже результаты плебисцитов: было запрещено объединение, к которому стремились Германия и Германская Австрия, правопреемница «двуединой монархии». Таким образом, нарушалось право народов на самоопределение, объявленное Вильсоном ключевым принципом нового миропорядка.

Подобный диктат имел место уже в процессе процедуры мирных переговоров, которые велись победителями в предместьях Парижа в период с 18 января 1919 г. по 10 августа 1920 г. с каждой из побежденных стран в отдельности. Из 32 государств, принимавших участие в переговорах, только 27 государств-победителей – союзные державы и поддержавшие их государства – являлись полноправными членами Парижской мирной конференции. Что касается Советской России, то Вильсон и британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж высказывались за ее участие в переговорах, но не смогли настоять на своем. Это означало, что с самого начала из общей системы была исключена (бывшая и будущая) великая европейская держава, которая раньше всех вышла из войны. Но в действительности все важные решения на конференции принимали не 27 государств-победителей, а – после краткосрочного образования «Совета десяти» – «Совет четырех» (Вильсон от имени США, Жорж Клемансо от имени Франции, Ллойд Джордж от имени Великобритании, Витторио

Эмануэле Орландо от имени Италии). Но поскольку разочарованный Орландо покинул Совет уже июне 1919 г., так как Италия не смогла добиться своих целей, в том числе аннексии территорий на Балканах, то Италия также превратилась в аутсайдера системы. После этого осталось только три субъекта права принятия решений.

В дальнейшем ситуация ухудшилась еще больше: США были настолько недовольны договорами, что в конечном итоге отказались их ратифицировать и не вступили в Лигу наций, основанную в Женеве в целях обеспечения мира и решения проблем национальных меньшинств. Таким образом, сильнейшая в политическом, экономическом и военном отношении страна также стала аутсайдером, пусть и в результате собственного решения, или, по меньшей мере, США больше не были частью системы, принимавшей участие в процессе принятия решений. Две великие державы, оставшиеся у руля – Великобритания и Франция – преследовали разные цели: Франция не только хотела вернуть себе территории, аннексированные ею в конце 17 столетия и вновь утерянные в 1872 г. – Эльзас и часть Лотарингии, но и получить огромные репарации и возложить на Германию прочие тяготы, которые способствовали бы упрочению безопасности самой Франции. Кроме того, Франция и Великобритания настаивали на том, чтобы зафиксировать в Версальском договоре единоличную ответственность Германии за развязывание войны (статья 231). Хотя эта статья подразумевала не столько моральную ответственность, сколько, в первую очередь, была призвана служить международно-правовым обоснованием репарационных требований, она вызвала в Германии единодушное возмущение. Максима французской политики гласила «*Sécurité d'abord*» (безопасность – прежде всего) – безопасность Франции за счет ослабления Германии. Ллойд Джордж, напротив, мыслил более глобально: он хотел избежать того, чтобы униженная и слабая Германия оказалась в объятиях большевистской Советской России, стремившейся к раздуванию пожара мировой революции. Помимо этого, как либеральный сторонник свободной торговли, он не желал долгосрочного экономического ослабления Германии, а в традициях британской европейской политики – того, чтобы на континенте царила единственная держава-гегемон, в данном случае Франция.

IV.

К главным проблемам Парижской мирной конференции, в ходе которой победители предпочли договариваться с каждой из проигравших стран отдельно и поэтому упустили из виду ряд необходимых решений общего плана, относились проведение новых границ, основание новых государств, вопросы национальных меньшинств, право народов на самоопределение, а также репарации. Несмотря на то, что мирные договоренности чрезвычайно тяжело ударили по Германии, она – униженная, с урезанной территорией, обремененная в правовом и материальном положении – продолжила свое существование в качестве великой европейской державы. Гораздо хуже пришлось двуединой Дунайской монархии, которая распалась на части, а Австрия и Венгрия превратились в региональные государства. Именно в этой точке возникает парадокс: многонациональные государства были разрушены в интересах

создания самостоятельных национальных государств, но в действительности эти новые национальные государства вновь представляли собой многонациональные державы. Это отнюдь не способствовало обезвреживанию пороховой бочки Балкан, что вскоре продемонстрировали возникшие там диктатуры и вспыхнувшие конфликты.

Что еще более важно: неоднократно был нарушен торжественно постулированный принцип права народов на самоопределение. Право и мораль, введенные победителями как норма, были обесценены их же собственной национальной, отчасти националистической, политикой диктата. Это справедливо не только в отношении упоминавшегося выше запрета объединения Германии и Австрии, наложенного в Версале и Сен-Жермене, не только в отношении образования чехословацкого государства, но и в отношении многочисленных частных случаев. Вот лишь несколько примеров: бесспорно немецкоговорящий австрийский Южный Тироль, части провинции Тренто и другие области без какого-либо вразумительного обоснования отошли к Италии, а от Германии как на западе, так и на востоке были отрезаны территории, населенные преимущественно немецким населением, которое проголосовало за то, чтобы остаться в составе Германии.

V.

Новый европейский порядок образца 1918–1920 гг. характеризовался следующими главными чертами:

- Первая мировая война и мирные договоры, заключенные в парижских предместьях, знаменовали собой распад трех империй: Российской, Османской и Австро-Венгерской, которые все без исключения были многонациональными государствами.
- Эти события и решения привели к образованию большого числа новых государств, которые зачастую также не были свободны от проблемы национальных меньшинств.
- Многочисленные национальные диаспоры оказались вне границ своих национальных государств, что в особенности относилось к немцам и австрийцам.
- Из числа пяти великих держав, составлявших каркас европейской системы государств, выпала Австро-Венгрия, а две из четырех оставшихся – Германия и Советская Россия – были существенно ослаблены, превратились в аутсайдеров международной системы и поначалу даже не вошли в Лигу наций. В конечном итоге Германия являлась членом Лиги наций с 1926 по 1933 гг., Советский Союз – только с 1934 г., после выхода Германии в 1933 г. Двусторонние договоры между обоими государствами-аутсайдерами, такие как Рапалльский договор 1922 г., вызвали значительное беспокойство у держав Запада.
- Две великие европейские державы, оставшиеся «внутри» Версальского порядка, Великобритания и Франция, не только испытывали разногласия по центральным вопросам, но и сами были настолько ослаблены мировой войной, что их внутрен-

нее развитие также не избежало кризисов. Поэтому по сути они не могли брать на себя роль государств-гарантов европейской стабильности.

- Единственная мировая держава, Соединенные Штаты Америки, хотя и оказывала помощь европейским странам в деле восстановления экономики, в том числе Германии и Франции, в политическом плане предпочла самоустраниться от европейских неурядиц.
- Почти все новые демократии, основанные после 1918 г., испытывали постоянные политические, общественные и экономические кризисы, а также кризис политической культуры, их внутренняя нестабильность росла, поскольку они оказались не в состоянии решить свои насущные проблемы. Все они рано или поздно потерпели неудачу, большинство из них уже в 1920-е годы трансформировалось в диктатуры. Европейский кризис демократии сопровождался кризисом европейской системы государств.
- Итак, был ли предначертан путь, приведший человечество ко Второй мировой войне, была ли война неизбежной? Такой вывод, без сомнения, был бы слишком далеко идущим, так как альтернативные возможности имелись на многих перекрестках. В свою очередь свой вклад в дестабилизацию ситуации и в усиление кризисов внесли многочисленные случайности, которые отнюдь не были предопределены. Фанатичные идеологии, как справа так и слева, боролись с либеральными правовыми государствами агитацией и политическими убийствами. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии, эта внутренняя идеология «свой – чужой», отклонявшая демократический компромисс, все больше и больше переносилась на международные подмостки. И конечно же совершались многочисленные политические ошибки, которые теперь так очевидны в ретроспективе, но которые не были столь очевидными современникам. То, что мирные договоренности 1918–1920 гг., определившие будущий европейский порядок, не решили насущных проблем, а обострили их или создали новые, привело к нестабильности и постоянным кризисам, а также сделало возможными новые военные конфликты. Но они отнюдь не были неизбежны, как показывает хотя бы краткосрочная политическая стабилизация в Германии и ее начавшееся сближение с Францией, важнейшими действующими лицами которого были Аристид Бриан и Густав Штресман.